

Культура. — 1996. — 17 февр. — с. 4.

“Страданье есть способность тел...”

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Мария ХАЛИЗЕВА

Встреча с режиссером Камой Гинкасом, организованная Литературным музеем (Петровка, 28), пришла на девятый день со смерти Иосифа Бродского. Дата, несомненно, многое привнесла в атмосферу и заметно повлияла на “драматургию” вечера. Попытка критика Марии Седых придать встрече характер строго академический (сжатое изложение жизненной и творческой биографии режиссера в контексте судьбы его поколения) была вежливо пресечена самим Гинкасом, настоявшим на разговоре об ушедшем в эти дни поэте. Властная режиссерская рука дала о себе знать, и с этой минуты облик вечера определялся только волею профессионала-постановщика.

Первым, на что обратил внимание присутствующих Гинкас, было само помещение: здесь когда-то игрался его спектакль “Пушкин и Натали”. Чуть более внима-

тельный, чем обычно, взгляд зрителей по сторонам мгновенно вызвал ряд ассоциаций: каменные белые стены напоминали холодное замкнутое пространство второй части “К.И.” из “Преступления”, а свисающие с этих стен веревочки (не забудем, что дело происходило в зале музея, где временно отсутствовали экспонаты) отчасти воспроизводили угрожающую сценографию “Казни декабристов”. Так, вроде бы сам собой затеялся разговор о последних тюзовских премьерах Гинкаса.

В разговоре о спектакле “К.И.” снова прозвучали имя и стихи Бродского. Строки “Страданье есть способность тел, // А человек лишь испытатель боли...” Гинкас назвал ключом к пониманию своей постановки (каков предел той боли, которую может вынести человек). Несмотря на то, что многие из присутствовавших настаивали, что спектакль светлый (жить — во что бы то ни стало), Гинкас, впрямую не отрицая этого, упрямо стоял на своем: “К.И.” — про умирание.

На вопрос: “Зачем поставлены “Декабристы”?” ответ прозвучал лаконичный: “Затем, чтобы не убивали”.

В крошечном зале нашлись люди, ви-

девшие спектакли Гинкаса еще той поры, когда он в течение двух лет возглавлял Красноярский тюз (самое начало семидесятых). Почему-то именно в связи с этим периодом большей частью вспоминались курьезы, и Гинкас с неповторимой интонацией в очередной раз произносил: “Ребята! Еще одна байка...”, иногда обращаясь за поддержкой к жене-коллеге Генриетте Яновской, присутствовавшей в зале. Ее репризы и сольные номера вносили дополнительные оттенки в трехчасовую беседу.

Одна из важных примет режиссуры этого вечера — смена мизансцен. Гинкас, чинно сидящий за столом и терпеливо выслушивающий биографический очерк собственной жизни. Гинкас с закрытыми глазами на ступеньках лестницы. Гинкас, прислонившийся к колонне, с любопытством наблюдающий за публикой. Гинкас, склонившийся над задающим вопрос. И, наконец, самое эффектное: Гинкас, присевший на корточки почти у самых ног другого вопрошающего... Прочно закрепившаяся за режиссером слава мистификатора и провокатора, как видим, возникла не на пустом месте.